

Б У Т Ы Р С К А Я Т Е Т Р А Д Ь

для _____

учени _____ класса _____

_____ ШКОЛЫ _____

Дмитрия Самоилова

Дмитрий Самойлов

Бутырская тетрадь

«ИП Гусев»

2026

Самойлов Д.

Бутырская тетрадь / Д. Самойлов — «ИП Гусев», 2026

ISBN 978-5-903788-59-0

Книга «Бутырская тетрадь» — сборник текстов, так или иначе связанных с районом на севере Москвы. Здесь есть истории генерала Патрика Гордона, эпизоды биографии Владимира Ленина, русского изобретателя Павла Яблочкова и драматурга Дениса Фонвизина. Но есть и рассказы о простых людях, о тех, кого вы, как правило, безо всякого удовольствия видите каждый день, — соседей, офисных работников, районных алкоголиков, пенсионерок у подъезда. Это опыт того, что можно назвать местечковой эссеистикой — смесь художественной литературы и публицистики, нон-фикшна с автофикшном. Если принять за данность, что в мире все связано, то и все, представленное в этой книге, связано друг с другом воздухом Бутырского района, где стоял когда-то один из лучших полков Петра I. Книга дополнена акварельными иллюстрациями замечательной художницы Полины Весеневой — портреты действующих лиц, разрушенный вокзал, едва уловимая атмосфера бутырского вечера и рыжий кот у подъезда. Вторая часть книги — профессиональная и алкогольная автобиография автора с трагикомическим уклоном.

ББК 9

ISBN 978-5-903788-59-0

© Самойлов Д., 2026

© ИП Гусев, 2026

Содержание

Бутырская тетрадь	6
Пусть будет пролог	8
При чем здесь Фрейндлих	11
Общая характеристика	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Самойлов

Бутырская тетрадь

© Текст Дмитрий Самойлов, Москва, 2026

© Иллюстрации Полина Весенева, Москва, 2026

© Дизайн Марина Габасова, Москва, 2026

* * *

Дмитрий Самойлов – автор с редкой ролью: в любом формате он сохраняет главное – язык, внимание и сострадание к людям. Когда для других media is the message, у него сам текст и есть «месседж». С таким даром ему стоит писать гораздо больше.

Игорь Мальцев

Дмитрий Самойлов точно обращается со словом: каждое предложение работает, а недосказанное обретает смысл. Его проза – это язык, внимание к деталям и жизни без пафоса. Из коротких зарисовок складывается эпос повседневности – с редкой точностью и тактом.

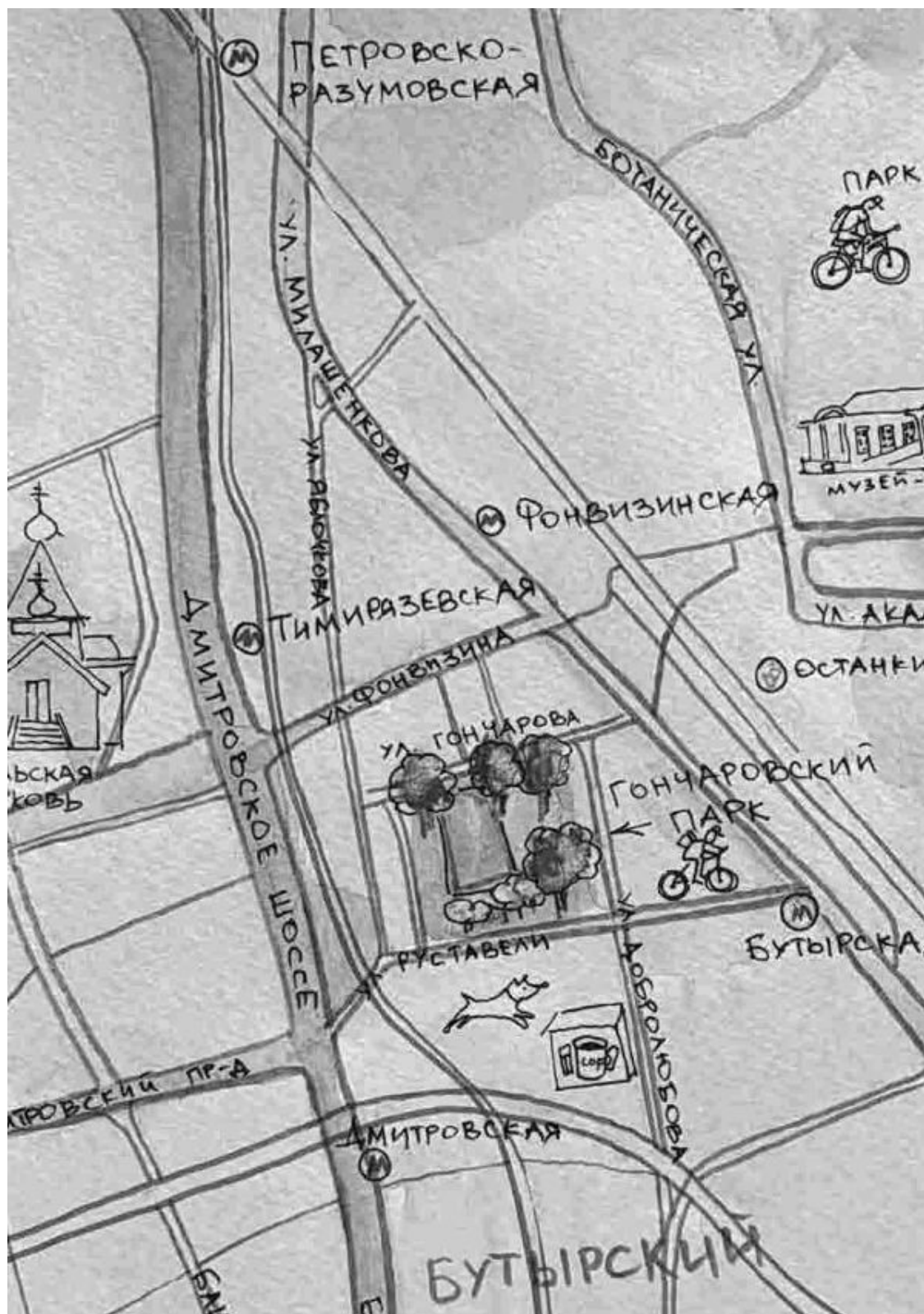
Максим Кантор

Очерк Дмитрия Самойлова о московском районе Бутырки прекрасен. Там удачно переплетены исторические нарративы этой местности и истории её нынешних обитателей.

Одновременно познавательный и очень лиричный текст. (Про алкоголизм тоже очень хорошо.)

Дмитрий Данилов

Бутырская тетрадь

Эпоха гиперинформации предполагает регулярное обращение к источникам, авторитетам и нейросетям. Если уж упоминаешь что-то в разговоре, будь любезен указать, откуда ты это знаешь. А я не знаю. Читал где-то, может, слышал. Если окажется, что я ошибаюсь, рас-

страиваться не стану. И вы не расстраивайтесь. В конце концов, не такая это большая беда – неточность в эпоху, когда всякую закорючку можно проверить семнадцатью способами. Вот написал «семнадцатью», но это неточно.

Где-то читал, а может, слышал, что настоящие воспоминания о событии хранятся в человеческой памяти не больше семи лет. Постепенно и безвозвратно эти воспоминания замещаются чем-то вроде текста, который наш мозг пишет в подсознании. Все, что мы помним, соответствует не реально произошедшему, а тому тексту, который мы написали об этом за годы у себя в голове. Не прилагая к этому никаких сознательных усилий.

Хотелось бы немного рассказать о людях, которых не вспомнит никто. Никто не только не запомнит их такими, какими они были в действительности, но и не напишет о них текстов с воспоминаниями. Потому что эти люди – обычные жители Бутырского района города Москвы, ничем не примечательные, необщительные, как правило, редко покидающие свой район, даже свои квартиры, маленькие неприметные люди. И если ничье подсознание не пишет о них текстов внутри черепной коробки, пусть будут хоть какие-то тексты, написанные мной. У этого письма нет миссии и благородства, как нет ни того, ни другого у тех людей, о которых пойдет речь.

А может быть, речь пойдет и не только об этих людях – и не о людях вовсе, а о воздухе, в котором они завелись и отпечатались, – о весеннем свежем воздухе в паре километров на север от Третьего кольца.

Пусть будет пролог

Видел когда-то опубликованный текст предпоследнего сценария Геннадия Шпаликова «Прыг-скок, обвалился потолок». Начинался текст так: «Пусть прологом этой истории будет то, как рано утром по снежным, светлым, дождливым утрам дети идут в школу. Заспанные еще, в своих заботах. С портфелями, ранцами, в расстегнутых пальтишках или аккуратные, – особенно девочки, – просто женщины молодые, в цветных колготках, и даже школьные платья у них выше колен. Городские дети в трамваях, в метро».

Довольно оригинальная тут авторская пунктуация, но мысль, как часто бывает у Шпаликова, просматривается легко. В этом прологе он хочет изобразить многообразие современной жизни – ее молодую радость и насыщенность. Видимо, чтобы сценарий взяли в работу.

Сценарий в работу не взяли, Шпаликов написал что-то еще, а потом повесился в комнате № 6 Дома творчества «Переделкино». Повесился не от того, что сценарий не взяли в работу, а просто потому что самоубийство было частью его биографии. Но об этом подробно рассказывали режиссер Сергей Соловьев и обнаруживший тело Шпаликова Григорий Горин. Обо всех них тоже можно бы рассказать, но, наверное, в другой раз.

Да, так вот пролог Геннадия Шпаликова. Это отличная идея.

Все начнется с экскурсии группы молодых людей к памятнику «Ленин и электроплуг» в Гончаровском парке, потом углубится в историю и выйдет на плато современности, где знакомые персонажи живут свою жалкую, но местами обаятельную жизнь.

Гончаровский парк – небольшой кусок зеленой земли с прудом между улицами Гончарова и Руставели. Парк сделан неплохо, потому что был частью программы обновления всего хорошего в городе, там сделали детские площадки, выстригли газоны, в пруду пустили фонтан. В парке есть памятник, который называется «Семья», но он ни у кого интереса не вызывает: там антропоморфная фигура вроде женщины и мужчины в обнимку держит что-то похожее на ребенка.

А вот памятная стела «Ленин и электроплуг» – это другое дело, это остановка на пути экскурсии. Экскурсия такая современная – впереди молодой человек с длинными волосами и в очках, он говорит в прилепленный к голове микрофончик, а за ним идут такие же модные молодые люди с приемничками и наушниками, слушают рассказ о районе. Это же Москва, кругом всегда шумно, а ведет свою группу экскурсовод от Миусского кладбища – это не очень близко, даже район не тот, но кладбище ничего себе, интересное. Там похоронены Дзига Ветров, Игорь Можейко, более известный как Кир Булычев, Валерий Гаркалин, более известный как Василий Кроликов.

Остановка «Ленин и электроплуг». Я смотрю на группу издалека и не слышу, что говорит экскурсовод, но думаю, что говорит он примерно следующее:

– Земля Бутырского хутора в 1832 году была арендована у церкви для создания Московского общества сельского хозяйства под покровительством генерал-губернатора Дмитрия Голицына. После революции 1917 года земли Бутырского хутора были отданы Московскому зоотехническому институту в качестве опытных полей. Здесь был устроен первый в РСФСР совхоз.

Слушатели стараются быть вежливыми, не прерывать, хотя не все они понимают, чем совхоз отличается от колхоза, а РСФСР от СССР, Впрочем, действительно, зачем так много слов?

Полная девушка в крупных очках и желтой футболке говорит своему спутнику: «Дима, сколько можно? Опять ты свое вино пьешь? Одиннадцать утра. Ты говорил, что после экскурсии мы поедем к родителям!»

Дима тоже полный, тоже в очках, смотрит мимо девушки, улыбается, прихлебывает из пластиковой бутылки, которую обычно используют при занятиях спортом. Он ничего не отвечает.

В любой группе из пятнадцати человек и более будет кто-то пьяный, это так всегда. Будет пьяный, будет девушка без лифчика, будет сгорбленный непромытый человек, которому то ли девятнадцать, то ли шестьдесят два, будет девушка, которая все записывает, будут две пенсионерки в сарафанах. Одна из них в шляпе. Их непременно будет две. Еще будет несколько мужчин, которые пришли, потому что их жены так захотели.

Длинноволосый молодой экскурсовод продолжает:

– Вплоть до второй половины XX века основной тягловой силой были лошади. И не только в России, но и в США, и в Западной Европе. В ФРГ количество тракторов превысило количество лошадей в сельском хозяйстве только в 1954 году.

Первые тракторы начала XX века не всегда подходили для обработки земли, потому что своими железными колесами уплотняли почву. Эта проблема была решена позже благодаря резиновым шинам и гусеницам. Кроме того, двигатели внутреннего сгорания были не только менее надежными, чем сейчас, но и менее надежными, чем электродвигатели.

Поэтому в полях часто использовался электроплуг. Для работы электроплуга была необходима соответствующая инфраструктура, проще говоря, в поле должно было быть электричество. Ленин, как известно, электричество любил и хотел всю страну электрифицировать. Поэтому он лично участвовал в испытаниях первого электроплуга на полях Бутырского хутора.

Дальше экскурсовод должен процитировать статью В. З. Есина «Ленин на электропахоте»:

«Владимир Ильич пристально следил за ходом строительства электроплугов. Часто вызывал к себе в Кремль нас, членов комиссии „Электроплуг“. Сам он непосредственно связывался с заводами – строителями плугов, требовал от ВСНХ безусловного выполнения графика строительства. А когда, помню, Брянский завод несколько опаздывал со сдачей плуга, Ильич потребовал на заседании Совета труда и обороны объявления строгого выговора Богданову – председателю ВСНХ – за нераспорядительность.

Наконец в октябре 1921 года один агрегат электроплуга был доставлен на поле Бутырского хутора под Москвой, и на 22 октября 1921 года было назначено испытание этого первого электроплуга.

Был хмурый, прохладный октябрьский день. Владимир Ильич с Н.К. Крупской и сестрой Марией Ильиничной приехали около 11 часов утра. На месте испытания собрались ответственные представители ВСНХ, Наркомзема и других наркоматов и ведомств.

Когда были начаты испытания и балансирный (перекидной) восьмикорпусный плуг, влекомый стальным тросом, пошел вперед, делая восемь глубоких борозд, – Владимир Ильич пошел рядом за плугом и, как зачарованный, смотрел, как ровно и красиво укладываются восемь пластов земли. Мы, члены комиссии „Электроплуг“, просили Владимира Ильича держаться подальше от плуга, так как мог оборваться трос, или плуг мог потерять устойчивость, выскочить из борозды и ударить хвостом. Но эти уговоры плохо действовали. Владимир Ильич продолжал ходить за плугом, от лебедки к лебедке, находившихся на расстоянии около 400 метров. К сожалению, наши предупреждения о том, что плуг может терять равновесие, подтвердились. Дело в том, что поле Бутырского хутора было сильно исхожено и изрезано протоптанными дорожками. Когда плуг

встречал на пути твердую почву – протоптанную дорожку, – он вздрагивал, и хвост его моментально выскакивал из борозды. Владимир Ильич сердито спрашивал: „Какого черта он у вас хвостом вертит?!“

Весь день до темноты Ленин провел на поле Бутырского хутора. Он расспрашивал конструкторов о том, как упростить конструкцию всей системы электроподводки к полю, где будет проводиться электропахота, как создать большую устойчивость плуга в работе, чтобы он не выскакивал из борозды. Лениным был поставлен и такой вопрос: „Нельзя ли изменить конструкцию плуга так, чтобы включение электромоторов на электролебедках производилось с балансирного плуга, с тем чтобы сократить обслуживающий персонал?“

Дело в том, что обслуживающий персонал на агрегате состоял из пяти человек: один на плуге, двое на лебедках и двое около трансформаторов. Это – то и подметил Ленин.

Позднее из разговоров с Н.К. Крупской стало известно, что Владимир Ильич уехал с поля Бутырского хутора недовольный. Конструкция плугов и вся система пахоты его, видимо, не удовлетворили».

Вы только представьте себе это тусклое промозглое 22 октября 1921 года на Бутырском хуторе. Еще идет гражданская война, разруха, голод, вообще-то еще нет Советского Союза. И Ленин в штиблетах и накинутом пальто идет по пахотной грязи, она вот-вот начнет промерзать, но электроплуг испытать необходимо. Да еще дать ценные указания, мысленно прочитайте их голосом Ленина, – «Нельзя ли изменить конструкцию плуга?..»

По мотивам этого исторического эпизода написана картина Константина Ивановича Финогенова «В.И. Ленин на испытании электроплуга „Фаулер“ в октябре 1921 года» (1939).

Кто-то ошибся. Или Финогенов, или Есин. Есин пишет, что на Бутырском хуторе в октябре 1921 года Ленин испытывал плуг Брянского завода, а Финогенов упомянул в названии картины плуг американской компании «Фаулер». Или кто-то ошибся, или Ленин приезжал на поля Бутырского хутора больше одного раза. Не то чтобы это было важно, но стела в парке есть, а стелы по пустыкам не ставят.

С другой стороны, все пророчества о будущих успехах электроплуга оказались ложными, а не самосбывающимися. «...мы можем заранее предвидеть грядущую победу электроплугов над своими конкурентами – разнообразными тракторами. Там, где на поле земледельческого труда существует электрический привод, электроплуг уже и в настоящее время решительно побивает трактор». Это было сказано на восьмом съезде Советов Государственной комиссии по электрификации России.

Почему мне все это кажется важным? Примерно потому же, почему Геннадию Шпаликову казались важными платяя выше колена у школьников. Это часть разнообразия наблюдаемого мира – и полная девушка в яркой футболке, и микрофончик экскурсовода, и электроплуг, и даже Ленин. Ленин на испытаниях электроплуга делается живым и почти безобидным, несмотря на свою строгость. И как-то даже забываешь, чем он занимался в истории России. Так вот думаешь – испытывал бы электроплуги, может, и вреда бы поменьше было. Но тут меня окоротят эквилибристы историософских рассуждений о роли личности вообще, а Ленина – в частности. И будут правы, потому что пролог затянулся.

При чем здесь Фрейндлих

У могилы Патрика Гордона есть тайна, хорошая крепкая городская тайна, и заключается она в том, что никакой могилы Патрика Гордона нет.

На Введенском кладбище, которое ранее называлось немецким, стоит памятник – третья от угла могила на одиннадцатом участке, грубый камень, на нем надпись: Hier ruhen die Gebeine des Obersten Gordon / zeitgenossen Peters des Grossen / und Leforts im Jahre 1877 hierher / Überführt aus seinem ehemaligen / Hause nahe der Deutschen Strasse. Переводится это буквально так: «Здесь покоятся останки полковника Гордона / современника Петра Великого / и Лефорта в 1877 году / перенесенные сюда из его бывшего / дома у Немецкой дороги».

Надпись даже по российским меркам конца XIX века – крайне небрежная. Почему фамилии без имен? Что за характеристика такая – «современник Петра Великого»? Почему о Лефорте не сказано ничего? И главное – отчего это Гордон назван полковником, хотя умер он полным генералом?

Предполагается, что «останки были перенесены» от дома у Немецкой слободы – это значит от храма Троицы, который в 1680-х Гордон и построил. Это была его католическая община. Храм был деревянным, отчего быстро сгорел, что и неудивительно. Удивительно, что Патрик Гордон завещал храму свою библиотеку, которая там и хранилась. Впоследствии на месте сгоревшего возвели каменный храм, останки Патрика Ивановича Гордона и Франца Яковлевича Лефорта захоронили под алтарем. Храм в 1812 году сгорел во второй раз, община перешла в новый храм Петра и Павла в Милютинском переулке. И вот, значит, в 1877 году прах Гордона и прах Лефорта переехал на постоянное место посмертного жительства, на Немецкое кладбище.

Поскольку имя Гордона на памятнике не значится, некоторые исследователи говорят, что памятник, может быть, и не совсем кенотаф, а покоится под ним сын Патрика – Теодор Игнатий, который как раз и был полковником, хотя был им недолго, поскольку в 1712 году был отстранен от командования Киевским драгунским полком после поражения в битве под Пиздрей, что у Познани. Хотя это не объясняет, почему без имени захоронили в той же яме прах Лефорта.

Умерли эти, как написано на памятнике, современники Петра Великого в один год. Похороны Лефорта наверняка были очень интересными, но нас интересует только Гордон. Дело в том, что он командовал Бутырским полком, который квартировал вот ровно на том месте, где проходила экскурсия из предыдущей главы.

Частично казармы Бутырского полка стояли на месте нынешней Бутырской тюрьмы, а точнее, как принято говорить на сатанинском канцелярите, – ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по г. Москве. Были казармы и по другую сторону Дмитровского шоссе, на улице, которая теперь называется Астрадамская. Тут нам нужно определиться, берем ли мы Астрадамскую улицу в свой рассказ или не берем.

Существуют две версии происхождения названия «Астрадамская». Первая: здесь Петр I велел организовать ферму, устроенную по принципу тех хозяйств, которые он видел в своих зарубежных вояжах. Известно, что в письмах Петр называл Амстердам Астрадамом. И некоторую часть своего Бутырского полка Патрик Гордон разместил тут же. Название местности располагало. И тогда все, как говорится, складывается у нас «в елочку», тогда тут вам и Петр I, и Амстердам, и Бутырский полк под руководством Патрика Гордона.

Но есть вторая версия: еще за сто пятьдесят лет до Петра эту местность называли Остроганова пустошь. Постепенно слово «Остроганова» превратилось в «Астрадамово». Это уныло и тянет болотами, но именно потому, скорее всего, правда. Стояли ли здесь части полка? Положим, стояли, но в небольшом количестве. Сейчас Астрадамскую улицу связывает с военной тематикой музей-мастерская скульптора Вучетича, в которую упирается проезд. Из-за забора

видно гигантскую голову Ленина и такую же голову волгоградской Родины-матери. Обе из гипса.

На гербе Бутырского полка – центавр, наполовину мужчина, наполовину конь, стреляющий из лука назад. Фигура неоднозначная – вроде бы боец, отстреливающийся при отступлении. Тут вспоминается шутка о французских танках, на которых есть зеркала заднего вида.

Главное – нам теперь совершенно точно ясно, что Патрик Гордон самым тесным образом связан с местностью, которую называют Бутырский район, а до того – Бутырский хутор, а до того – Бутырская слобода. Почему это важно? Потому что Патрик Гордон – великий шотландец на русской службе.

Родился Патрик Гордон в Абердиншире в 1635 году, прямой его предок Эдам Гордон оф Стрэтбоги был в XIV веке послом короля Скоттов Роберта I Брюса. Род, стало быть, знатный. А тем, кто рожден в хорошей семье, делать особенно нечего – или монастырь, или военная служба. Что интересно, Патрик Гордон сначала попробовал монастырь и нашел это весьма скучным, как и задумано. Не окончив Бруансбергской иезуитской коллегии, Патрик решил стать военным наемником.

Видели когда-нибудь карту Европы XVII века? Чудо какая пестрая, особенно в центре! Если бы песенный конкурс «Евровидение» проходил в 1650 году, он бы длился года полтора, пока там Германия со своей феодальной раздробленностью разберется, кто за кого голосует. Вот и Браунсберг, где пытался учиться Патрик Гордон, был то на территории Пруссии, то на территории Польского королевства, а сейчас это Бранево в шести километрах от границы Калининградской области.

Гордон воевал на стороне шведов, попал в плен к полякам. В то время считалось, что если нанимающая сторона в течение нескольких недель не выкупила своего солдата из плена, он имеет право перейти на сторону противника. И Патрик Гордон перешел. Тут надо понимать, что в рамках этики наемников это было практикой не просто нормальной, а, вероятно, единственной, которая могла обеспечить выживание. Гордон пытался вернуться в родную Шотландию, но любые планы того времени нужно умножать на сложности коммуникации и логистики. Между тем, хорошего военного в Варшаве заметил русский дипломат со звучным именем Замятня и простой фамилией Леонтьев. Патрика Гордона переманили в русскую армию Алексея Михайловича, который как раз занимался реформированием войска.

В Москве Патрик Гордон жил в Немецкой слободе, где и все иностранцы. Слово «немец» и означало иностранца – того, кто нем на русском языке.

С Петром Гордон познакомился через Лефорта, и подружились они в деловом смысле до такой степени, что Петр I присутствовал при смерти любимого генерала и закрыл ему глаза.

Гордон служил России до самой своей смерти в 1699 году. (Тут мне вспомнилось название книги Валерия Попова «Плясать до смерти», где смерть – не обозначение срока, а степень неистовства.) Мы все это знаем, потому что от Петра (Патрика) Ивановича остались дневники, сейчас издано шесть томов, но это далеко не все им написанное. Помним, что его библиотека с архивом хранились в сгоревшей церкви. Историки считают, что несколько тетрадей утеряны безвозвратно или, если угодно, никогда не были и не будут обретенны.

Когда Гордон поступил на русскую службу, ему обещали двадцать пять рублей золотом и пушнины на такую же сумму, однако ответственный за выдачу дьяк медлил, пришлось дать взятку. Гордон расстроился до того, что хотел уж уехать, но боярин Милославский уговорил шотландца остаться.

Как и многие иностранцы в России, Патрик Гордон жил хорошо, но трудно. Женился на дочери полковника Филиппа Вагнера ван Бокховена, которой тогда было тринадцать лет. Франц Лефорт, кстати, женился на племяннице того же полковника. Можно сказать, будущие

соседи по могиле породнились. Тут на всякий случай следует уточнить, что фамилию Филиппа Вагнера писали на русском по-разному, то через «о», то через «а», а то и через «у».

Алексей Михайлович отправил Гордона в Лондон с дипломатической миссией в 1666 году, миссию Гордон провалил, за что был сослан из столицы на Украину, где сначала подавлял восстание в Запорожье, потом служил в Киеве. В 1686 году Гордона даже отпустили на родину, в Шотландию, при условии, что его жена и сын останутся в Киеве. Практика, которую российские власти применяли и до Петра, и, как мы видим, при Софье, и через двести лет при власти Советов. Гордон в Шотландию съездил, вернулся и подал прошение об отставке. Прощение отклонили, генерал-майора разжаловали до поручика и пригрозили ему ссылкой в Сибирь. Контраст между Шотландией и Сибирью Патрик Гордон чувствовал хорошо и даже разницу между Сибирью и Москвой понимал, поэтому попросил отыграть все назад. Запись в дневнике: «Петр и Иван Алексеевичи всемилостивейше прощают меня и оставляют в прежней должности».

Тогда Гордону и поручили командовать Вторым Московским выборным полком, называемым еще Бутырским. Это был славный полк, который участвовал во всех кампаниях с 1658 года – и башкирское восстание давили, и разинское, и царя сопровождали по всякому поводу. Хороший полк, лучший, может быть.

Алексей Михайлович принципиально не назначал главами выборных полков иностранцев, но Гордон был иностранцем особенным, доказавшим свою верность уж тем, что вернулся из Шотландии. Хотя отчасти это была верность не столько царю, сколько жене и сыну, но все же верность.

«Я дал смотр regimentу в целях его пребывания на реке в день Богоявления». «Список рег [имента] для средств на сей месяц: 39 сержантов, 41 фюрер и фурьер, 69 капралов, 48 флейщиков, 626 солдат; всего 823 человека; отставных солдат 8, 99 вдов, 43 сироты». Это записи за январь 1690 года, командир осматривает полк для участия в празднике Богоявления.

Фюрер – ротный подзнаменник, то, что в XVIII веке соответствовало прапорщику. Да, в украинском языке знамя и называется «прапор».

Фурьер – ротный заимщик, подчиненный квартирмейстера, тот, кто отвечает за размещение части полка.

Флейщики – музыканты, Flötenspieler.

Вдовы и сироты – те, кто остался при полку после гибели служивших в нем.

Полк был большой и хорошо, как видим, укомплектованный, а также социально ответственный. Гордон вел хозяйство обстоятельно и точно. И как это теперь представить, где они все квартировали?

Ведь не было тогда ни улицы Руставели, ни улицы Гончарова. Да и самого Гончарова еще не было. А Бутырский полк уже был.

О Гордоне написано много, и лучше всего написано им самим, но нам он важен именно как человек из Бутырок. Так он писал в своем дневнике 4 апреля 1698 года: «Побыв немного дома, я отправился в Бутырки, где отпустил две трети офицерского состава домой, а сам на всякий случай остался на ночь в полку».

Из дома – это значит, из иноземной слободы, от станции метро «Бауманская», которая там появилась через 245 лет после смерти Гордона, до станции метро «Бутырская», которая тут появилась через 317 лет после его смерти. Пешком два часа шестнадцать минут, на велосипеде – пятьдесят. Гордон ехал верхом, уж точно не быстрее велосипеда, наверное, за час добрался. Жаль, мы не знаем, какая была погода в том апреле, однако, имея представление о нашем климате, можем предположить, что было еще слякотно и зябко, ранние сумерки.

А ехал Гордон в свой полк, чтобы остановить очередное стрелецкое восстание. Петр тогда был в Великом посольстве, ездил по миру. Страной управлял триумвират Нарышкин – Голи-

цын – Прозоровский, а Гордон отвечал за военное хозяйство. Четыре стрелецких полка из-под Торопца двинулись на Москву.

«Состоялось еще одно заседание совета, и я получил предписание двинуться с пехотой и артиллерией на реку Ходынку и ждать приказаний. Выплатив солдатам месячное жалованье... я отправился со своим полком из Бутырок к маленькой речке Ходынке, где мы разбили лагерь. В моем распоряжении имелось пять пушек и 150 повозок. Остальные три полка подошли к полуночи».

Гордон трижды ходил в стан бунтовщиков, уговаривая их вернуться к месту службы, но прежде выдать зачинщиков. Стрельцы не соглашались. Тогда в них стали стрелять, а позже пленять и допрашивать.

«24 человека признались в своих страшных преступлениях, которые они намеревались сотворить по прибытии в Москву: перебить часть бояр и добиться введения новых правил службы и повышения жалованья. Они были приговорены к смертной казни через обезглавливание. Все приговоренные исповедались и приготовились к смерти».

Это уже 22 июня того же года. Да, согласен, с апреля времени прошло многовато для одной локальной операции. Может быть, весной Гордон ехал в Бутырки и не собирать полк для подавления бунта. Главное, что ехал, что был тут часто.

Вообще бутырками называли всякие села. Само слово «бутырки» и означает деревню. Точнее, село. Потому что в Бутырках есть церковь – храм Рождества Пресвятой Богородицы, который здесь построили в 1647 году специально для солдат Бутырского полка. Ладно, специально для полка этот храм перестроили позже. Сначала он был деревянным и стоял где-то в районе нынешней Вятской улицы, потом, вероятно, сторел, и новый построили там, где теперь Бутырская улица подходит к станции метро «Дмитровская». На каменный храм жертвовали Петр и Иван в период двоецарствия. Это тот же самый храм, что и тот деревянный, хоть и другой. Такой парадокс корабля Тесея в отдельно взятом районе. Хотя он и не в районе стоит.

Самое интересное с храмами начинает происходить, когда приходит советская власть, вот и храм Рождества Пресвятой Богородицы в Бутырках не снесли, как можно было ожидать, а назначили памятником архитектуры, но в тридцатых передали заводу № 132 Главвиапрома. Делать производственный цех прямо в памятнике архитектуры показалось грубым, поэтому в Главвиапроме нашли элегантное решение – построили небольшой корпус, разделив входную группу с колокольней и основное здание храма с куполами. Так основное здание, оказалось, теперь стоит по Новодмитровской улице, где никакого памятника архитектуры не значится, а на Бутырскую выходит небольшой фасад, его и не трогали. Там же, где до 1920 года велись богослужения, с 1938-го по 1991-й делали гидронасосы.

Надо полагать, что всех, кто помирал в полку и вообще на Бутырском хуторе, отпевали именно в этом храме, а хоронили на Миусском кладбище. Как поступали с иностранцами, сказать сложно. А иностранцы в полку служили, следовательно, и помирали тоже. Было Лазаревское кладбище с другой стороны того, что сейчас называется Третьим кольцом, там, где улица Советской Армии, оно было как раз для иноверцев, коими были католики и протестанты – всё те же «немцы», то есть любые иностранцы. Там же, видимо, находился и соответствующий храм. Вообще, кладбище в Марьиной Роще считалось старым иноверческим кладбищем по отношению к кладбищу в Немецкой слободе.

Лазаревское кладбище уничтожали дважды. Сначала его уничтожили как кладбище иноверческое, сделав на его месте вполне православное кладбище для бедных. Здесь, в Марьиной Роще, которая считалась границей города, в середине XVIII века сделали «убогий» или

«божий дом». Улица, которая шла приблизительно от кладбища в сторону центра, назвалась Божедомкой. Божий дом – это приют для тех, кому больше некуда идти, а также место сбора неопознанных трупов, которые потом скопом хоронились на Лазаревском кладбище.

Да, второй раз кладбище сровняли с землей при советской власти. На его месте сделали детский парк с праздничным названием «Фестивальный».

Итак, мы определились: было кладбище в Марьиной Роще, там хоронили иностранцев, но нас оно не интересует, поскольку Патрика Гордона хоронили не там. Впрочем, в нашей истории Патрик Гордон пока жив, хоронить его рано. О кладбище мы вспомнили только потому, что упомянули храм, а храм придает некоторый статус поселению. Бутырки, безусловно, были отдельным поселением за пределами основной Москвы. У Патрика Гордона в московском периоде его дневников есть три основные точки: Немецкая слобода, Бутырки и верхние палаты Кремля.

«Я обедал наверху и остался почти до вечера». Это значит, Гордон был в Кремле.

«Января 16, четв [ерг]. Я был наверху, обедал и остался до семи часов вечера. Испытывали фейерверк, что произвел изрядное действие».

«Будучи приглашен на прощальный пир шведского комиссара Кристофера фон Кохена, я не поехал из опасения чрезмерного питья и других причин».

«Я отправился ко двору около одиннадцати часов и сопровождал Его Величество в сельскую, или летнюю, усадьбу, принадлежащую боярину Петру Васильевичу Шереметеву, где нас всех хорошо угостили за обедом; поехали в царскую усадьбу, имели фейерверк, а вечером в первой усадьбе – еще, снова обильно угощались и были отпущены. Я пришел к м-ру Гуаскони, повеселился».

«Болел от излишеств прошлой ночи и был вынужден лежать в постели почти до вечера». Две записи подряд, связанные друг с другом самым непосредственным образом.

«Дал два рубля школьному учителю» – учителю школы в Немецкой слободе. Школу эту, видимо, как и церковь, сам Гордон и построил. Точнее, организовал.

«В городе, видел Его Величество. На погребении усопшей супруги полковника Бокховена». Эта запись интересна нам не столько потому, что супруга полковника Бокховена – это бывшая теща Гордона, а в связи со следующей записью:

«В городе; не мог пойти наверх из-за обычая не являться в царском присутствии три дня после того, как кто-либо побывал на погребении или видел мертвое тело».

То есть трехдневный траур тем или иным образом распространяется на саму процедуру встречи с царем. Любопытно, что сам царь, как мы видим из записей, на похоронах тоже присутствовал.

Итак, в 1698 году, летом, Патрик Гордон отправился из Немецкой слободы в Бутырки, чтобы собрать полк и вместе с ним противостоять стрелецкому восстанию. Расположились они, как написано в дневнике, около реки Ходынки. Между современными станциями метро «Аэропорт» и «ЦСКА». Далее, по той дороге, которая теперь называется Волоколамское шоссе, Гордон вместе со своим полком дошел до Новоиерусалимского монастыря, занятого мятежниками.

Противостояние со стрельцами длилось неделю, закончилось повешением последних. До смерти Гордону оставалось еще больше года, он еще увидит вернувшегося из Великого посоль-

ства Петра, будет награжден за умелое командование полком и продолжит бывать в верхних царских палатах Кремля.

А сейчас в хронотопе Патрика Ивановича Гордона – подмосковное лето и хорошее настроение после успешной внутренней военной операции. Они долго шли от монастыря, повернули у Ходынки налево в Бутырки – весь полк и полковник, который давно уж полный генерал, со своим другом капитаном Хью Крофордом.

– До Бутырок сколько еще? Версты три? Не поеду я сегодня в слободу, останусь у тебя в полку.

– Да оставайся, конечно.

– Знаешь, что интересно, – вот тут, где мы идем, через какое-то время не будет никакой грязи, будет нормальная дорога. Даже железная. Я тебе клянусь, тут будет железная дорога на Звенигород. Более того, ее интегрируют в транспортную систему города.

Конечно, капитан Крофорд должен был бы вытаращить глаза, залаять, присесть и убежать, объявив своего шотландского друга сумасшедшим и сойдя с ума за компанию с ним. Но Крофорд поддерживает разговор:

– Как думаешь, почему трамвайная остановка на пересечении путей и Красностуденческого проезда так и останется самой старой в Москве? Почему ее не обновят? Объект-то не туристический.

– Да как не туристический? Будут фотографировать, внутри откроют кафе.

– Что?

– Кафе. Это где пьют кофе.

– Что пьют?

– А, Петр Алексеич вернется из Европы, объяснит.

– Почему ты не организуешь церковь здесь, в Бутырках? И церковь, и школу? Все равно та церковь в Слободе сгорит. Дважды.

– Так привычней, не переносить же всю слободу сюда. Тем более здесь даже не окраина, а предместье.

По пути сослуживцы заходят в супермаркет и покупают бутылку простого шотландского виски. В этом словосочетании слышится некоторое кокетство. Но это уже устойчивое выражение – благодаря Александру Вертинскому. Трудно сказать, как оно воспринималось, скажем, в тридцатых годах прошлого века. Так вот, они покупают бутылку виски. Это сингл молт, но не очень дорогой.

Да, мы все знаем, что в конце XVII века в Бутырках не было супермаркетов и магазинов вообще. Но как-то же Патрику Гордону и его другу Хью Крофорду нужно покупать виски, чтобы вести ночной разговор. Согласитесь, ради ночного разговора можно пожертвовать не только исторической достоверностью, но и даже ее тенью. В «Компромиссе» у Довлатова его брат говорит: «Мы пили, когда у нас не было денег, если мы остановимся теперь, когда деньги есть, это будет искусственно». Имитировать историческую бытовую правду в рамках этого повествования – это именно что искусственно.

Представьте себе июньский поздний вечер в Москве, вам с другом есть что обсудить. Тепло и светло, вы пьете виски. И тут из-за дерева высывается кто-то сальный, но вьедливый, и говорит: неправда, не может у вас быть этого виски, потому что вы не могли его купить в магазине, потому что никаких магазинов нет! Это все исторически недостоверно, расходитесь! А вы только сели, вы не в силах расстаться.

Ночь, приятная летняя ночь в Бутырках. Гордон и Крофорд сидят на улице у дома Крофорда. Жена его умерла три года назад, сын женился, служит и живет в городе. Но сын – это понятно, а вот недавно Крофорду являлся его прапрапра... и так далее правнук. Его фамилия Коровин, потому что потомки Крофорда обрусели бесповоротно уже через пару поколений.

Володя Коровин окончил юридический факультет МГУ и работал в американской аудиторской компании. Но началась война, компания ушла из России, Володе предлагали тоже уйти из России, но он не поехал, открыл свою контору здесь, в Бутырках. Есть накопления, есть квартира, бизнес приносит кой-чего, жить можно, и даже неплохо. Крофорд с 1667 года не был в Шотландии и не побывал уже никогда. А Володя был там в 2018-м, перед пандемией. Что понравилось? Виски. Это был тур по вискокурням.

Хью Крофорд и Патрик Гордон сидят в садовых креслах, перед ними огонь, обложенный камнями очаг. Не совсем походный, но и не капитальный. Все-таки они военные люди, им не положено вельможной роскоши.

– Знаешь, что меня беспокоит? – спрашивает Гордон. – Меня беспокоит, что в честь Лефорта назовут район, парк, тюрьму. А в мою честь не назовут ничего. Хотя, в сущности, какая разница? Вот парк, вот район, есть даже тюрьма, хотя она формально не относится к этому району.

– Я так понимаю, – говорит Крофорд, – что это дело с одной стороны принципиальное, с другой – чисто фонетическое. Лефорт в окружении царя не выглядит как наемник. Он почти как Меншиков, почти что равный. Будто бы он действительно государственный деятель. Хотя понятно, что и тот, и другой имеют от службы огромную выгоду. И вот вопрос – стали бы они служить бесплатно?

– Это вопрос глупый, Хью. На любое решение и на любое положение дел влияют сотни факторов. Если бы служба не предполагала оплаты, это была бы не служба, а что-то иное, и вообще, как бы она сформировалась как служба, если бы не имела финансовой основы? Служащий за деньги находится в состоянии транзита между агрегатными состояниями верности и алчности, что и делает возможным выработку этого служебного электричества.

– Пусть, пусть. При этом ты – наемник, которого прежние хозяева не выкупили из плена.

– Да какие хозяева? Что, уж любой работодатель – хозяин? Ты вот спроси у своего прапрапра... и так далее правнука, который в корпорации, насколько я понимаю, потрудился, он ощущал себя невольником? В какой-то мере ощущал. Работу бы не стал делать бесплатно, но и брать деньги просто так тоже бы не стал. Потому что не дали б. Гнилой базар.

– В каком смысле?

– Гнилой базар – это разговор, который предполагает изначально агрессивную манеру аргументирования, но не предполагает настоящего поиска решения. – Гордон не злится, он скорее взбодрился от этой болтовни.

– Так вот, есть и вторая причина, по которой в честь тебя не назовут ни района, ни парка. Как я сказал – фонетическая. Не может быть Гордонова района или Гордонова парка. Потому что ударение будут ставить исключительно на второй слог. Просто для смеху.

Друзья выпивают.

– Но хуже, что половину района Лефортеново назовут в честь Баумана, – говорит Кроуфорд.

– Какого?

– Баумана. Николая Эрнестовича. Он имеет отношение к Немецкой слободе по двум причинам. Во-первых, его предки – немцы, во-вторых, он умрет на Немецкой улице, недалеко от построенной тобой, Петя, кирхи. В 1905 году там будет демонстрация рабочих, которые будут идти к Таганской тюрьме с требованием разрушить «русскую Бастилию». Среди демонстрантов будет и Бауман. Он состоит в революционном движении, печатает подпольно газеты. Бауман вскочит на пролетку и будет ехать по улице, размахивая флагом «Долой самодержавие!» Он захочет привлечь к демонстрации как можно больше рабочих местных фабрик, район-то промышленный. Он будет кричать: «Долой царя!» Это услышит бывший кирасир-конногвардеец по фамилии Михалин, работающий в заводском общежитии дворником и смотрителем. Михалин, услышав вопль Баумана, ответит: «Как это долой царя? Я ему пять лет служил!» Он захочет ударить Баумана палкой, потом напишут, что обрезком трубы, но откуда у него обре-

зок трубы? Хотя всякое может быть, район, повторюсь, рабочий. Бауман достанет браунинг, выстрелит в Михалина и промахнется. Также в Михалина будут стрелять дружки Баумана – не попадет никто. Это же была не просто демонстрация, а подготовленное восстание. А вот Михалин попадет Бауману палкой по голове, Бауман упадет с пролетки, ударится головой и умрет. И вот в его честь назовут улицу, станцию метро, политехнический институт. По профессии он будет ветеринар.

– Да, это я все понимаю. Звучит дико, но, может быть, никакой несправедливости в этом нет. Вот послушай, ведь этот Бауман работает за деньги, но погибает за идею.

– А где там деньги? И где там гибель за идею? Гибель же была случайной.

– Деньги в таком деле есть всегда. Революция – дорогое дело. Вот в Британии – свергли Стюартов, реставрировали Стюартов. Это же все не бесплатно. Не в том смысле, что кто-то исключительно могущественный заинтересован в этом настолько, что платит страшные суммы тем, кто этим занимается. Нет. Дело в том, что всякое большое дело имеет в себе кровь, которая обращается и дает делу жизнь. И кровь эта – деньги. А насчет случайной смерти – с оружием и со знаменем в руках – все-таки это не может быть совсем случайно.

– В том смысле, что для славы нужно быть готовым умереть ради идеи, которой служишь за деньги?

– Да. Иначе снова выходит теплохладность, как у Данте в «Божественной комедии»: «... То горестный удел / Тех жалких душ, что прожили, не зная / Ни славы, ни позора смертных дел /... / Вовек не живший этот жалкий люд...».

– Видимо, это отличает службу и служение от рабства. Службе необходимо отдаваться за деньги, но целиком.

– Да, тонкая грань, и вообще звучит не совсем прилично. Отдаваться за деньги.

– Вот именно. Разница в том, что, скажем, проституирование страсти заключается в том, что человек способен отдаваться за деньги, но не до конца.

– В том смысле, что ни одна женщина не может дать больше, чем она может дать?

– Хью, ты военный человек, но казарменный юмор тебе не идет.

Друзья снова выпивают.

Пахнет липами, по кустам стрекочут цикады, костер горит едва-едва, чтоб немного светить, но почти не добавлять тепла в летнюю ночь. Патрик Гордон и Хью Кроффорд давно сняли высокие сапоги, мундиры и парики, они выглядят теперь не как лучшие военные Российского государства, а как немолодые ленивые буржуа в праздный день где-нибудь на даче. Кроуфорд надел простое серое рубище, Гордону принесли что-то вроде накидки, расшитой турецкими огурцами. Высокую принадлежность Хью выдает длинная трубка. Это 1698 год, еще нет упрещающих надписей и картинок на пачках с табаком, да и самих пачек нет. Кури сколько угодно.

– То, что мы разгребали последние дни, могло бы случиться, если бы Петя не уехал в Европу? – Кроффорд наливает виски.

– Могло, не могло. Это не имеет значения. Нам с тобой нужно делать, что в наших силах. Строго говоря, круг обязанностей не определен, если служишь государю. Получилось не допустить позора – и хорошо.

– Но кто виноват? Пятьдесят три повешенных, которых называли зачинщиками? Софья, которая это все готовила? Заведенный порядок, при котором стрельцы годами не видят семьи?

– Может быть, это тот случай, когда логика вины уступает логике причинности.

– Это ты утверждаешь или спрашиваешь?

– Не знаю. Вот смотри, когда тут будут жить наши прапрапрапра... и так далее, будет популярен такой риторический прием: если девушка надевает короткую юбку и выходит поздно вечером одна гулять в небезопасном районе, несет ли она вину за то, что на нее напали?

– А, вот ты куда завернул. Я знаю, что в то время, о котором ты говоришь, во время наших прапрапрапра... и так далее, если поднять эту тему и упомянуть короткую юбку, тут же

станешь объектом ненависти прогрессивных умов. – Крофорд затягивается, кашляет, откладывает трубку.

– Именно. Но вопрос-то от этого не перестает существовать. – Гордон встает с кресла, чтобы размять колени, ходит вокруг очага. – Есть – или, если угодно, будет такое выражение, как «виктимное поведение». В том смысле, что не нужно подсвечивать себе дорогу последним айфоном, если идешь ночью в незнакомом окраинном районе. От слова «виктим» – жертва. То есть девушка, разумеется, не виновата ни в чем. В логике вины она не может выступать субъектом. Но в логике причинности субъектами становятся все – ты, я, Петр, Софья, стрельцы и, может быть, даже девушка в короткой юбке, если бы она только могла здесь присутствовать. То есть каждый несет в себе часть причины случившегося. Но при этом необязательно виноват. Жертва не виновата в том, что на нее напали, но если бы не было жертвы, не было бы и нападения. То есть отсутствие вины не исключает наличия причины. И в логике причинности ответственность несут все причастные. Другой вопрос, как эту ответственность распределить, какими весами и какой мерой.

– Раз ни меры, ни весов нет, я налью на глаз, – снова плоско шутит Хью Крофорд и наливает виски.

Они выпивают и сидят какое-то время молча. Крофорд медленно засыпает в своем кресле. Есть в пьяном сне недолгая первая фаза, когда человек будто уходит из этого мира, и ничто не способно вернуть его по крайней мере часа полтора. Дальше этот сон перетекает в тяжелую и беспокойную маету с храпом, подергиваниями и дурными видениями.

Гордон сидит у догоревшего костра, слева светлеет небо, ранний летний восход. Солнца еще нет, просто недолгая темнота постепенно отступает на запад. Цикад не слышно, потому что теперь в кустах поют птицы. Но поют негромко, не агрессивно и даже не бодро. Так, чирикнет где-то за спиной, потом ответит ему впереди. Для того, кто рано лег и встал поутру, это пение пробуждающее, для того, кто не ложился, – убаюкивающее. Виски кончился.

Гордон сидит, сложив руки на животе, уткнув подбородок в грудь, он смотрит исподлобья в раннее утро и видит похоронную процессию. Такую процессию, которую бы назвали пышной, но уж больно это противное слово.

Хоронят его – Патрика Гордона, полного генерала, шотландца и верного друга царя Петра Алексеевича. Впереди шесть лошадей, запряженных цугом, тянут лафет с гробом. Умрет Гордон здесь, в Бутырках, через полтора года, в ноябре 1699-го.

Сейчас он видит, как его провожают отсюда в Немецкую слободу. За гробом идет весь Бутырский полк. Петр Алексеевич приедет на иноверческое кладбище – не мерзнуть же государю на ноябрьском ветру.

Патрик Гордон смотрит на свою похоронную процессию, и, в общем, он ей доволен. Хотя ему все еще немного жаль, что его именем не назовут ни район, ни парк, ни тюрьму.

При чем здесь Фрейндлих? Бруно Фрейндлих сыграет Патрика Гордона в кино в 1981 году.

Общая характеристика

В Бутырском районе совсем нет крыс. Точнее, может быть, где-то в районе они есть, но вот в околотке между улицами Гончарова, Фонвизина и Добролюбова нет никаких крыс. А ведь были, были.

Улицы трех этих литераторов – малый контур района, внутренний. А большой контур описывается тремя железнодорожными ветками разных направлений.

С Савеловского вокзала невозможно уехать дальше Кимр, но желающих почему-то страшное количество. По пути в Кимры есть Дмитров, Яхрома, Орудьево, Вербилки, Катуар, наконец, Талдом. Дачники едут миллионами человеко-сумок в год. В пятницу хорошо тому, кто пораньше ушел с работы и приехал на вокзал хотя бы к часу дня, спокойно купил билет и стал дожидаться у табло, когда появится номер нужной платформы. Идти нужно подальше и побыстрее, к так называемой голове поезда. Кругом будут противные и потные люди, несущие некрасиво запакованные сумки. Кто ездит на электричках? Те, у кого нет автомобилей, те, которые работают в Москве или живут за городом, или те, у кого жена, скажем, не работает и может себе позволить поехать на дачу посреди недели, прихватив автомобиль.

И поэтому Косте пришлось жаркой июльской пятницей ехать в Талдом на электричке. Там уже неделю была жена, да и дача-то была жены, точнее, ее родителей, да и с женой-то все было уже как-то не замечательно.

Костя в свои тридцать два зрелых года чувствовал себя автоматически. Проснулся утром, съел две сосиски, надел рубашку в клетку и с коротким рукавом, пришел на работу, два часа посидел, написал начальнику, что уйдет пораньше, и ушел. Начальник сам по случаю лета появлялся в офисе нечасто. Никаких встреч, созвонов и дедлайнов на эту пятницу запланировано не было в их рекламном креативном диджитал мультимедиа триста шестьдесят агентстве. Это бы могло наводить на мысль о некотором упадке агентства, бизнеса, сферы и отрасли. Но не наводило. Потому что вот, допустим, упадок, и что? Допустим, сокращение или банкротство. Значит, какое-то время не будет работы, ничего, потом какое-то время работа будет. В конце концов, труд – не привилегия, а проклятье человеческого рода. Человека еще надо поугаваривать, чтоб он поработал.

С этими мыслями потный Костя вышел из метро, купил в автомате билет-чек на электричку и пошел к табло вместе со всем своим народом делить ожидание информации о номере платформы. Толпа двинулась к поезду, Костя тоже двинулся и уже дошел вагона до третьего-второго, как увидел идущего ему навстречу огромного мужика с черными кудрявыми волосами, толстыми губами и обвислым носом. Глаза мужика смотрели на все и одновременно в никуда. Было видно, что страшный этот человек был сильно пьян, и его алкогольное возбуждение еще не сдавалось натиску усталости. Он хотел идти, но весь организм уже хотел упасть. Мужик прошел мимо Кости, хватаясь за стенки вагона.

Электричка набилась, как и всегда по пятницам, целиком, до полного отсутствия сидячих мест. В тамбурах еще можно было стоять, но все знали, что через две остановки и там не останется воздуха. Что-то проскрипели динамики – в электричках никогда ничего не слышно – и поезд сделал тяжелый рывок вперед, но тут же остановился. Двери открылись, машинист сказал что-то грубое и явно неуставное, в конце можно было разобрать «выходите». Выходить сначала никто не собирался, но и поезд не собирался ехать. Потом начались разговоры, информация поступала от тех, кто стоял ближе к дверям, – вон носилки какие-то. Люди начали медленно выходить на перрон. Никакой ясности относительно того, поедет ли когда-нибудь поезд, не было, но терять свое место тоже никто не хотел. Костя вышел, ладно, можно и постоять, на перроне хоть дышать можно.

Люди в полицейской форме вынимали из-под поезда страшного пьяного мужика, просовывая его снизу вверх между вагоном и перроном в том месте, где вагоны сочленяются между собой. Мужик был буквально синий, двое из скорой помощи поставили на асфальт перрона носилки, за мужиком из-под поезда полицейский достал черный кроссовок.

Невозможно было точно понять, что именно произошло. Очевидно, мужик упал под поезд между вагонами. Очевидно, это как-то понял машинист и резко затормозил. Или кто-то дал ему знать об этом, или кто-то дернул стоп-кран. Для чего-то же нужны эти стоп-краны? С детства видишь их в каждом поезде, но зачем они нужны, как работают, никто не знает. Вот, может быть, в этой ситуации кто-то знал.

Было непонятно, пуст ли поднятый полицейским с рельс кроссовок или внутри ступня упавшего, как и не было понятно, как именно упавший пострадал – ударился ли он головой, разрезало ли его частично колесами, жив ли он вообще.

То есть, если говорить сухим языком фактчекинга, знали окружающие, а вместе с ними и Костя, только то, что человек упал, что человека достали, что человеку плохо, если он вообще жив, что поезд остановился.

Как ни удивительно, машинист опять что-то прохрипел в динамики, и народ стал заходить обратно в вагоны. Естественно, Косте уже не досталось того сидячего места у окна, и даже стоячего места у окна ему не досталось. А досталось ему что-то такое в проходе, где еще умудрялись как-то протискиваться пассажиры. Зла на этих пассажиров не хватает, хотя в чем они, собственно, виноваты? Когда говорят, что все равны в бане и перед Богом, это звучит хоть и банально, но все-таки немного торжественно. Никто не говорит, что все равны в проходе электрички Москва – Савелово.

Тимирязевская, Окружная, Дегунино, Лианозово, Водники, Лобня и так далее. Люди продолжали заходить в тамбур, опровергая пространственную геометрию.

От увиденного на вокзале настроение не просто испортилось, оно продолжало портиться несмотря на то, что хорошим не было и до того. Неприятно, тошнотно екало воспоминание о пьяном синем – вот вам тавтология – мужике, его кроссовке, полицейских, носилках.

Хотелось глубоко вздохнуть, попить холодной газированной воды, ни в коем случае не сладкой, ни в коем случае не пива, не курить, нет. Просто вздохнуть и попить. Такие простые желания – и невыполнимые в сложившейся ситуации. Если по вагонам и пойдет какая торговля, то это после Дмитрова, через час. Тогда же, вероятно, появится и воздух.

Костя уже написал жене, что едет, сказал, что встречать его на станции не надо. Сказал специально, чтобы не ставить ее в неловкую ситуацию, потому что знал, что она его встречать и не собиралась. Ей некогда, у нее, небось, сессия с психологом в пятницу в обед. У нее эти сессии раза по три в неделю, всегда удаленно, потому что ресурса куда-то ездить у нее нет, а вот по видео поговорить – это пожалуйста. Костя никогда не спрашивал, сколько это стоит, он разумно полагал, что ему-то деньги особенно и не нужны, большую часть зарплаты он сразу переводил жене, потому что не терпел разговоров о том, что кому-то чего-то не хватает. А жена любила говорить о том, что ей на что-то не хватает, и Костя рефлекторно пытался эти нехватки покрывать, чтобы слышать о них пореже. Жена же говорила, что если бы не ее родители, то жить бы было совсем не на что, вот и машину они подарили. Что правда, да, правда.

Хотя все это было не очень важно. Можно было сделать что угодно и выслушать что угодно, только чтобы таким образом выкружить себе немного пространства, тишины и покоя. Что уж говорить, заработать себе это пространство Костя не умел или, вернее, не задумывался над стратегией, не утруждал себя планами, как сделать так, чтобы его не трогали.

Зачем он живет с женой? Наверное, так живут примерно все. Они познакомились в институте, в Тимирязевской академии, какое-то время, что называется, встречались, она

познакомила его с родителями, он выпил с ее отцом. Какой-то не очень приятный человек, которого можно было описать одним словом – плотный. Он, видимо, воплощал свои собственные представления о мужественности. Вернее, слово «мужественность» тут было не совсем уместным: он воплощал свои представления о том, каким должен быть настоящий мужик – небольшой бизнес по перепродаже стройматериалов, подержанный джип, дача по северному направлению, рыбалка, приседания по утрам, водка по вечерам, сканворды, первый канал, второй канал, купание в проруби на Крещение, отдых с женой в Крыму и Египте, потому что в этом Тае одни пидарасы.

Костя женился на Юле, потому что так было положено и, в общем, ничего этому не мешало. Костина бабушка как раз естественным образом освободила двухкомнатную квартиру на третьем этаже двенадцатиэтажного одноподъездного дома по улице Яблочкова. Это он числился по улице Яблочкова, а стоял в глубине.

Через несколько лет после вступления в права наследства Костя переписал квартиру на Юлю. Это было необходимо, потому что Юлю позвали на стажировку в долину Напа. Юля работала тогда в компании, импортирующей вино, в том числе из Калифорнии. В Тимирязевке Юля училась на кафедре плодородства и виноделия, что-то в этом соображала. Квартиру нужно было переписать на нее временно, для получения американской визы. Там необходимо иметь что-то за душой, какой-то стимул для возвращения. Раз нет детей, подойдет недвижимость.

Показать какую-то значительную сумму на счету ни Костя, ни Юля не могли, была квартира, но она же его. А ты разве не хочешь, чтоб жена съездила на стажировку, Костя? Как она должна тут сидеть и плесневеть? А карьерный рост, а самореализация? Жена съездила, вернулась и ушла с работы. Карьерного роста не произошло, а самореализация исчерпывалась сеансами у психологов. Психологами всегда были клоны-двойники Юли – такие же тридцатилетние женщины без работы.

Костя понимал, что все это не в его пользу, но и переломить ситуацию он не мог. Работал он нормально, но без особенных перспектив. Детей у них не было, потому что сначала было боязно, а теперь уже как-то и непонятно, какие у них могут быть дети. Машину им подарил отец Юли и великодушно позволил оформить ее на Костю. Ты ж мужик, Костян, тачка должна быть твоя. Универсал и правда был приличный. Юля ездила на нем на дачу, Костя ездил на работу на метро. Ему нетрудно. От «Тимирязевской» до «Чеховской», от «Чеховской» до «Савеловской», оттуда в Талдом, там полчаса на автобусе и минут двадцать пешком.

Когда проезжали станцию «Каналстрой», дышать в поезде было уже полегче, впрочем, воды так и не продавали. Костя подумал, что, наверное, не хочет ехать на дачу, а хочет ехать в обратном направлении. На платформе «94-й километр» он понял это окончательно и хотел было выскочить из поезда, но вспомнил недавнее происшествие, а потому вышел аккуратно.

Да, как-то все вместе сыграло. Пьяный мужик, упавший на пути, – это верно плохой знак. Да и вообще что делать на этой даче? К вечеру приедет тесть, захочет пить водку и париться в бане. А Костя, если честно, не любит водку и не любит баню. Два этих обстоятельства делают Костю в глазах тестя ничтожеством. Да Костя и сам уже не уверен, что он не ничтожество. Думать об этом не хочется, хочется какого-то небольшого пространства с покоем внутри. Вот чтоб не трогали, чтоб не отвечать на вопросы и в идеале чтоб не знать, сколько времени.

Костя перешел пути по навесному мосту – всегда крайне утомительному из-за своей высоты – дождался пустой электрички и поехал в Москву. Это в Талдоме электричка едет переполненная в пятницу днем, а в Москву она едет пустая. Хотя в Талдоме в пятницу, как и в любой другой день, делать совершенно нечего, а вот в Москве происходит много интересного. Впрочем, и это неважно. Неважно, что там происходит, важно, что можно ехать вот так в пустой электричке, и не туда, куда надо, а туда, куда хочется. Станным образом не хочется особенно никуда, только бы не туда, куда надо. Дышать было легко и приятно, газированную

воду принесли уже в районе станции имени Барсученко. Кто такой этот Барсученко, почему в его честь назвали станцию? Плевать.

От вокзала Костя пошел к дому пешком. Он не стал писать жене, что не приедет, скоро она поймет это сама. И что? И что она сделает? Возмутится, пожалуется своему отцу, расскажет обо всем психологу? Пусть, пусть.

Костя шел по Новодмитровской улице, по некрасивой улице, застроенной какими-то производственными цехами. В некотором смысле все равно по какой улице ходить летом в Москве. Все улицы становятся терпимыми – это свойство московского лета. Даже если на улице что-то ремонтируют, это раздражает меньше, чем если что-то ремонтируют зимой. В конце концов, какая разница, если лето?

Костя думал о том, что свернет на улицу Руставели и там в лавке с овощами и фруктами купит дыню. Бывает, что дыня одновременно спелая, но еще очень крепкая, и когда вгрызаться в нее, она немного скрипит, трещит, это очень точно передает ощущение полноты жизни – Москва, лето, спелая дыня.

Лавка оказалась закрыта. Это такая московская особенность – здесь все не навсегда. И непонятно, закрыта лавка на обед, на переучет или навсегда. Может быть, Камолиддина, который здесь торгует, за казенный счет отправили в Таджикистан, а может быть, просто забрали в отделение до вечера.

Домой идти не хотелось, но не хотелось пока, нужно было нагулять это желание – прийти домой, сесть на диван и посидеть немного в тишине, не делая ничего, не включая телевизора, не глядя в телефон, слушая, как городская пыль оседает в комнате.

Можно пойти по Руставели в сторону Огородного, но свернуть на улицу Добролюбова, потому что на Добролюбова есть бульвар. Здесь общежитие Литературного института имени Горького, в котором жил поэт Николай Рубцов. Деталь для карты города и района второстепенная, но Костя всегда вспоминал об этом, потому что однажды, читая случайно попавшуюся в интернете статью об убитых поэтах, наткнулся на фотографию Рубцова, сидящего в пивной. Не то чтобы Костя любил стихи вообще и стихи Рубцова в частности, но что-то знал. И с Рубцовым его, так получалось, объединяли два обстоятельства. Во-первых, Костя жил в том же районе, в котором Рубцов жил, когда учился в институте. И в шестидесятые тут была пивная, которая называлась столовой, но там совершенно точно пили пиво, это ясно по подписи к той фотографии в статье. Сейчас на улице Добролюбова нет ничего интересного, только пункты выдачи всякого барахла. Представить себе там сейчас какой-то общепит просто невозможно, хотя общежитие на месте.

Во-вторых, однажды, поступая в институт в начале нулевых годов – гуманитарный трехсортный вуз, «менеджерская» специальность, то есть просто отговорка – Костя познакомился с девушкой. У девушки были длинные вьющиеся волосы цвета гречишного меда и широкая улыбка. Вместе это создавало ощущение наполненности пространства, девушка улыбалась, и это будто становилось фактором реальности, явлением. Волосы, конечно, были просто каштановые, но это было бы слишком просто, поэтому Костя сказал сам себе: цвета гречишного меда. И фамилия у нее была такая – то ли Медникова, то ли в самом деле Мёдова. Второе маловероятно, неизвестно, бывают ли такие фамилии вообще. Костя пригласил девушку на свидание, которое прошло не очень успешно. Накануне встречи Костя с друзьями пил пиво дома у одного из них. Видимых причин для этой убогой вакханалии не было, хотя вообще-то причины были самыми явными: друзья были молоды, вокруг было лето. Денег не осталось совсем, а вынося утром мусор, Костя поставил масляное пятно на шорты – банка из-под шпрот вышла за свои пределы.

На свидание с той девушкой Костя пришел не очень трезвый, без денег, с пятном на шортах. Но и ему, и девушке было по восемнадцать лет, они оба поступили в институты – в

разные, у нее был запасной план, она не пошла в ту «шарагу», где они познакомились, – общее настроение сглаживало неровности действительности. Они немного погуляли, договорились, что созвонятся.

И действительно созвонились. Девушка сказала, что не против погулять снова, только не в центре, а там, где привычно ей, – в районе Юго-Западной. Костя сильно опоздал.

В тот же день ему нужно было заехать к бабушке, которая жила на станции «Речной вокзал», да там еще на автобусе минут пятнадцать. Противоположный конец Москвы, но это бы ничего, время бы можно было рассчитать, проблема была в другом – у бабушки гостила ее сестра, двоюродная Костина бабушка. Хороший внук должен был привезти старушкам каких-то стандартных продуктов – кефир, хлеб, картошка, мясо на кости для супа, помидоры и так далее – и бутылку коньяка. Это так водилось у них в семье, раз в две недели Костя возил бабушке продукты, его мама отправляла. Бабушка и сама ходила в магазин, но какую-то основу рациона было необходимо обеспечивать. Бутылка коньяка полагалась именно по случаю приезда в гости бабушкиной сестры.

Конечно, сестры уговорили Костю выпить с ними и поговорить. Сестра была старше бабушки и, кажется, старшей в семье вообще, она прошла войну медсестрой до Берлина, много курила и, как следствие, говорила низким голосом. Курила она исключительно «Приму» – такие папиросы без фильтра, но приделывала к ним мундштуки, отрывая от газет полоски незапечатанной бумаги. Она могла себе позволить сигареты и подороже, но привычка ее – мало того что вредная, так еще и нищая – была сильнее. Костя выпил, как не выпить.

А потом оказалось, что перегоны на севере зеленой ветки такие длинные, станций так много, переход на красную такой долгий, что успеть на свидание в сколь-нибудь приемлемые сроки не получалось. И выпил-то немного, и уже бежал с «Театральной» на «Охотный ряд», и писал девушке, что задерживается, но делает все возможное, чтобы не заставлять ее ждать. И какова была вероятность, что именно со 2 июля по 5 августа 2002 года будет полностью закрыто движение от «Спортивной» до «Юго-Западной»? Вообще-то вероятность эта равнялась единице, если смотреть на события из лета того года. Об этом говорили и по телевизору, и по радио, и в метро вешали соответствующие объявления. Но молодые студенты не смотрят телевизор, а в метро читают что-нибудь претенциозное. Нищие там, или Фуко, и у Кости в рюкзаке было «Рождение тюрьмы». Там в начале подробное описание четвертования и рассуждения на тему того, как его тяжело проводить. А дальше Костя и не читал. Начала было достаточно, чтобы говорить, что читаешь Фуко.

Станцию «Ленинские горы» открыли в 1959 году, она стала самой длинной и самой широкой в московском метро. Изначально предполагалось, что она должна быть под землей и даже под рекой, но это оказалось слишком сложно и дорого. Тогда для станции построили Лужнецкий мост. Верней, мост спроектировали так, чтобы под проезжей частью для автомобилей уместились железнодорожные пути и все, что полагается. Строить нужно было быстро, вместо стальных опор решили делать железобетонные, а чтобы бетон не застывал при работе зимой слишком быстро, в смесь добавляли соль. Когда закончили, соль стала разъедать железо, началась коррозия, арматуры стали пухнуть от ржавчины и разрывать бетон. Станцию закрыли в 1983-м и вернулись к тому, чтобы как-то привести ее в порядок, только в 1999-м. Перестроили заново и открыли в декабре 2002-го. Но вот именно летом того года она была не просто закрыта для пассажиров, но и перекрыла собой весь участок для поездов. От «Спортивной» пустили автобусы, пусть и бесплатные, зато вонючие и набитые людьми. А с непривычки еще попробуй найди этот автобус, идет он медленнее поезда, и все это совершенно не способствует успеху Кости у женщин. Кто ж мог знать, что добавление соли в бетонную смесь в 1959 году окажется настолько опасным для начинающего романтические отношения московского студента?

Он писал девушке, что едет, – мобильные телефоны, к счастью, тогда были у всех. Девушка отвечала, что больше ждать не может. Он уговаривал, она молчала. В конце концов он сказал, что все понимает, ничего не получается, но могла бы она уделить ему пять минут?

Было понятно, что со свиданиями у него получается не очень, а ведь жизнь только началась, и казалось, что вот этот вот самый секс, о котором все вокруг говорят, которым пропитано все от рекламы до ведущих новостей, – он вот прямо здесь везде и для него. Нет, он не обманывал себя, он понимал, что девушка на плакате светит грудью и улыбается не потому, что хочет переспать именно с ним. Но тем не менее, если визуально секс имеет выражение во всем, значит, он до такой степени важен для всех людей, следовательно, и у него – у Кости – этого секса тоже будет много.

Девушка с каштановыми волосами – с волосами цвета гречишного меда! – дождалась Костю. А он еще купил в цветочном магазине возле остановки фикус. Хотел быть оригинальным – не просто цветы, а именно цветок в горшке, тогда это еще было свежо. Может быть, это был и не фикус, а спатифиллум, а может быть, это одно и то же. Цветок явно сыграл в пользу Кости. И они действительно немного погуляли в районе «Юго-Западной», но гулять с цветком же неудобно. Девушка пригласила Костю домой.

И вроде бы это как раз сулило секс, но общение было каким-то сложным. Наверное, надо было выпить, но было непонятно, как предложить? Разговор не то чтобы крутился вокруг чего-то неинтересного, он не крутился вообще. Хорошо, чай был. Еще какие-то орешки девушка поставила на стол. А потом сказала: «Я должна, наверное, честно признаться: ты хороший, но у нас ничего не получится, я не чувствую влечения». И добавила нечто явно заимствованное: «Мне с тобой не хватает драйва». Как ни странно, Костя почувствовал облегчение. Больше не было ответственности за это неудавшееся свидание. И тогда они стали говорить непринужденно, весело. Костя еще не знал, что вот так оно в жизни все и устроено, немного парадоксально, с небольшими крючками и объездами.

Часа через три они с девушкой лежали в кровати после второго секса и перед третьим, и она начала читать стихи.

*Вредная, неверная, наверно,
Нервная, наверно, ну и что ж?
Мне не жаль, но жаль невероятно,
Что меня, наверно, и не ждешь.*

«Это Николай Рубцов», – сообщила девушка.

Это потом Костя понял, что стихотворение это затисканное и затертое, читать его на людях, даже в постели, – дурной тон. Хотя какой вообще тон для стихов в постели? Тот эмоциональный и гормональный пик переживаний крепко запомнился именно в связке со стихами Николая Рубцова.

Наутро Костя ехал на автобусе от «Юго-Западной» к «Спортивной», и в голове у него играла строчка из песни «Герои» с альбома «Аквариума» «Электричество» – «И разве это кому-то важно, что сладкая Джейн стала моей?» Это звучало очень весело, так как-то задорно, с вызовом. В городе было жарко, а еще его накрывало дымкой от торфяных пожаров вокруг, не так сильно, как через восемь лет, в 2010-м, но тоже накрывало.

И жаль, что нет на Добролюбова пивной. Бывает так, что хочется не пива, а чтоб была пивная.

Костя свернул с Добролюбова налево, во дворы, в сторону Яблочкова, и уперся в свой двенадцатизэтажный дом. Перед подъездом стоял его автомобиль, подаренный отцом Юли универсал. Его тут быть не должно, все вообще должно бы быть иначе.

Юля точно должна быть на даче, там же должна быть и машина. Более того, там должен быть и сам Костя, а вечером там должен быть и Юлин отец, чтоб ему провалиться. Если автомобиль у дома, значит, Юля в квартире? Костя поднялся, позвонил в дверь, попробовал открыть ключом, подергал ручку. Закрыто изнутри. Можно прислушаться: какое-то шевеление есть, но трудно разобрать, из этой оно двери, в подъезде вообще – или это шум собственной крови в голове?

Позвонил Юле – длинные гудки, не ответила, потом снова не ответила, потом сбросила, потом вне зоны действия. Костя сел во дворе, стал смотреть на окна. За спиной – снаряд детской площадки, подобие космического корабля. Справа школьный палисад, слева бетонный забор бывшего гаражного кооператива. Гаражи постепенно сносили, но что-то там еще теплилось, кто-то ремонтировал старые «Жигули» и «Ауди».

Фактура летнего вечера абсурдным образом диссонировала с глупостью сложившейся ситуации. Солнце светило через ветви тополя, слышались детские крики из соседних дворов, ветер ненавязчиво шумел в перезрелой июльской листве.

Из подъезда вышла Юля, увидела Костю, не удивилась – она, должно быть, давно видела его из окна, просто не хотела выходить, но теперь ей надоело прятаться. Точнее, не так, не так, Костя понял, что она не пряталась, она просто занималась своими делами без него, и не до него ей было. Она не открывала дверь не потому, что хотела что-то скрыть от него, а потому что он там был не нужен ей. И действительно, за Юлей из подъезда вышел мужчина – коренастый, коротко стриженный, с ключами от машины на пальце. Нажал на кнопку брелока, серебристый «Лексус», стоявший на месте для пожарной машины, мигнул и пискнул.

Костя тоже мигнул и пискнул. Мужик посмотрел на Костю мельком, исподлобья. Это был друг Юлиного отца, он приезжал к ним на дачу месяца два назад. А теперь, видимо, приехал и в квартиру.

«Вредная, неверная, наверно», – подумал Костя.

Юля махнула мужику, вроде – я сейчас. Подошла к Косте, положила ему руку на грудь, похлопала.

– Сам понимаешь. Мне нечего тебе сказать. – Она слегка наклонила голову вбок. – Старайся повзрослеть. Ой, не надо так смотреть.

Ракурс меняется, дальнейшее мы слышим от престарелой, но активной женщины из соседнего дома.

– И она так все оформила, что Костя-то остался без квартиры, идти ему некуда. Его же мать оставила с бабкой, еще когда ему было двенадцать, сама уехала жить к французу, они и не общались особо. Так, пару раз потом он туда ездил. Она здесь свою квартиру продала. Это когда было-то, в девяносто шестом, тогда знаешь, как было, вот. И Костя с бабкой жил, когда бабка померла, он квартиру унаследовал, а кто еще? Но на Юльку переписал, ей для документов было надо, чтоб на стажировку ехать. И чего ты думаешь, она хоть день после этой стажировки работала? Она и не работала совсем, зачем ей надо? Костя работал, квартира есть, отец небедный, она свои дела устраивала. И устроила. Лишила Костю квартиры, выгнала его, потом квартиру сдала каким-то приезжим, где живет, я не знаю, может, на даче, может, у отца или у того мужика, не в нашем районе. А у Кости только машина осталась. Она еще сказала, ты скажи спасибо, так сказала ему. Вроде потому что машину ему ее отец подарил. И вот он живет с тех пор в этой машине, ставит ее возле гаражей, у него своего-то гаража нет.

Костя действительно теперь жил в машине, гаража у него действительно не было, да и прилегающие гаражи постепенно разбирали. В машине Костя поселился летом и рассчитывал

так: всю зарплату откладывать на первый взнос для ипотеки. Работа-то у него была, но откладывать и снимать квартиру он не мог. И друзей у него не было, кроме тех, с кем он общался на работе, а сказать на работе, что ты живешь в машине, было невысказано.

Хорошо, что «универсал» был большой, сиденья раскладывались, спальник мешок и туристические коврики помещались там легко. Костя видел ролики на «Ютубе» об американских и даже британских людях, которые живут так. Рано утром ехал на работу, там принимал душ. А глаженная рубашка ему была не нужна, в креативном агентстве все ходили в футболках.

Осенью, когда темнело уже рано, но слякотью еще не развезло пейзаж, Костя сидел в темном своем «универсале» и смотрел, как сквозь остатки желтой листвы светит фонарь. В сочетании с относительной для большого города тишиной этого района получалось очень красиво. Хотелось замереть с некоторым чувством сладковатой тревоги внутри и вспоминать солнечную пыль в своей квартире летом.

Зимой было снежно и поначалу как-то очень чисто – все стало белым и ярким, солнечным. Солнце отражалось от окон вагонов монорельсового состава, который проходил раз в полчаса, дорога была через три двора от того, где стояла машина. Солнце отражалось и мелькало, светило внутрь машины, скакало по снегу. Это было неплохо. Но быстро стало понятно, что зиму так не пережить, – никакие коврики, никакие спальные и никакие шерстяные носки не спасали. Костя снял комнату до весны, но все это вместе его надломило, и надлом заключался в том, что ему всего расхотелось.

Ему не хотелось коптить на квартиру, точнее, на первый взнос, ему не хотелось ехать на работу вообще, ему не хотелось покупать еду. Это все как-то было связано с положительной прокрастинацией. Он понимал, что главное в его жизни – гигантский обман, жертвой которого он стал. Глупый и подлый обман, просто будто случай из хроники происшествий девяностых годов. И вот надо же – всех обманывают телефонные мошенники, всех обманывают в мессенджерах, писали, что какую-то японскую пенсионерку обманули мошенники, притворившись космонавтами, собирающими деньги на кислород, а его вот обманула неверная жена, и обманула сразу на квартиру. Чего еще надо? И всякая мысль о любом действии, будь то рабочая задача или необходимость помыть руки, мгновенно и неизбежно приводила Костю к мысли о том, что надо что-то делать, чтобы преодолеть позорный груз этого обмана. Но как преодолеть, он не знал.

Постепенно он перестал ходить на работу, выключил телефон и просто лежал в съемной комнате на первом этаже трехэтажного дома по улице Руставели. Там есть несколько таких трехэтажных домов, во дворах которых постоянно снимают кино. Вроде бы эти дома представляют собой образ старой Москвы.

В самих домах живут старые люди, которые сушат белье во дворе. Многие квартиры там до сих пор коммунальные. В такой жил теперь Костя. Точнее, проживал скопленное на первый взнос. Но хватить этого должно было на какое-то длительное время, хотя считать точно не хотелось. Даже расчеты приводили к размышлениям о том, что он дурак и лох, что он остался без квартиры и без жены, и пока эта проблема не решена, думать ни о чем другом нельзя.

А эта проблема и не могла быть решена, поэтому Костя не мог больше делать ничего вообще. Лежал на диване, иногда что-то ел, ходил в общий туалет, включал газовую колонку, чтобы иногда помыться.

Это был максимум того, что он мог сделать. Если бы рядом с ним был бы человек – друг, коллега, родственник – возможно, он бы убедил его обратиться в психоневрологический диспансер, получить диагноз «клиническая депрессия» вместе с горстью антидепрессантов и начать хотя бы смотреть в сторону того, как выкарабкиваться из полной апатии. А может быть, и диспансера с таблетками было не нужно. Если бы просто кто-то мог быть рядом. Или если бы он смог заставить себя прочитать какую-нибудь книжку. Любую. Но он не мог заставить себя

даже включить телефон. Часто он повторял про себя слова жены: «Я сейчас не в ресурсе». Это ты-то не в ресурсе? – горько улыбался Костя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.